

СТЕЛЛА ПРЮДОН

ДЕДЕЙМЕ

Бьющий в самое сердце роман

Стелла Прюдон

Дедейме

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Прюдон С.

Дедейме / С. Прюдон — «Эксмо», 2019

...мама – первое слово, которое мы говорим. Когда тебя отняли у мамы, но ты продолжаешь каждый день видеть ее и называть сестрой, что ты почувствуешь? И что ты сможешь сделать, если таков обычай твоего народа? Душераздирающий, бьющий в самое сердце роман Стеллы Прюдон о горских женщинах отзывается в сердце буквально каждого, словно написан о нем.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Прюдон С., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Стелла Прюдон Дедейме

© Прюдон С., текст, 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Часть первая

1

Ее разбудил сон, смысла которого она не понимала. Мать с отцом кружатся в дагестанском танце, потом отец, увидев ее, кричит музыкантам: «Лезгинку давайте! Сейчас Шекер покажет, как она танцует». Когда Шекер вышла танцевать, вокруг танцплощадки столпилось очень много людей. Все смотрели на нее и смеялись, и вдруг кто-то бросил: «Она голая, она голая!» Оглянувшись, Шекер поняла, что на ней и вправду нет одежды. Отец как будто не замечал ее наготы и требовал, чтобы она продолжала танцевать. Зато мать стала возмущаться: «Почему ты голая? Как тебе не стыдно!»

Шекер вскрикнула и проснулась. Было еще очень рано, поэтому она какое-то время лежала в постели с открытыми глазами, рассматривая затейливые узоры на обоях, а потом встала и подошла к зеркалу. Они приедут через восемь часов, а если повезет – раньше! Тогда и решится вся ее жизнь. От мысли об этом у нее колотилось сердце. Как долго она их не видела! Сказать, что она соскучилась, все равно что ничего не сказать. Но в своей тоске она не могла признаться никому. Ханна вспыхивала от одного только намека («сколько волка ни корми, все равно в лес тянется»), а Натан в угоду жене называл ее неблагодарной свиньей.

Много лет она скрывала свои чувства. Это была тайна, разъедающая изнутри. Ее нельзя было выпускать на свободу, но она не могла просто взять и забыть о ней. Слишком пленительной была надежда, слишком больно было ее убивать. Шекер затаилась и никак не проявляла своих чаяний. Но наедине с собой она каждый день мысленно разговаривала с ними: рассказывала, объясняла, доказывала и умоляла до тех пор, пока они наконец ее не поймут. В фантазиях они то понимали ее с полуслова, соглашались, заключали в объятия и уводили в новую жизнь, то грубо пресекали разговор и отворачивались. Шекер не понимала еще со всей ясностью, как они отреагируют, поэтому не решалась заговорить. Но две недели назад она приняла решение открыться, и будь что будет – терять ей больше нечего. Критически посмотрела на себя в зеркало, увидела выскочивший на носу жирный прыщ и с ненавистью его выдавила.

Шекер себе не нравилась: пухлые щеки, маленькие глаза, пористый нос, узкий прыщавый лоб, полноватые короткие ноги. И только волосами, роскошными русыми волосами, доставшимися по наследству от мамы, она гордилась. На солнце они были нежно-золотые, а в тени – цвета молодого каштана; распущенные – доходили до бедер, а заплетенные в косу – до пояса. Шекер очень любила расчесываться, и это было больше, чем приведение себя в порядок.

Она расплела косу и посмотрела в зеркало: а может, оставить распущенными к их приходу? Может, не стоит заплетать? Тогда у них просто не останется выбора: они не смогут не полюбить ее.

– Зачем косу распустила?

От внезапности Шекер вздрогнула. Она не слышала, как мать подошла к ее комнате.

– Я расчесываюсь, – ответила она, покраснев.

– Давай быстрее. Заплетай косу и иди Цыгана загоняй. Работы много, некогда прохлаждаться.

В обязанности Шекер входило вставать раньше всех и загонять Цыгана после ночного дежурства в вольер. Цыган – любимая собака отца: на его счету четыре пойманных грабителя. В их богатом доме воры были частыми гостями: достаток семьи хоть и не афишировался, но был известен всему городу. Постарев и потеряв остроту слуха и зрения, Цыган «вышел на пенсию»: переселился на задний двор, перестал нести службу и стал просто любимым псом.

Ему заказали теплый вольер с деревянным полом и будкой, и Натан сам лично кормил старую овчарку. На место Цыгана в центральном вольере, стоящем прямо перед домом, поселился его сын – двухлетний Мухтар, предварительно пройдя годичную подготовку у тренера сторожевых собак.

Выйдя на крыльцо, Шекер зажмурилась от яркого света и закрыла глаза рукой. Во дворе громоздились деревянные столы и лавки, вынесенные накануне из сарая. Сегодня их ровной шеренгой поставят под навесом, помогут, накроют скатертями, разложат приборы и посчитают количество посадочных мест. Отцу исполняется семьдесят, и поздравить его приедут не меньше ста человек.

Шекер сняла с ограды крыльца собачий ошейник и прошла мимо сооружений из столов и лавок. Проходя по асфальтовой дорожке в глубь сада, она увидела, что в нескольких местах земля перерыта и клочья земли разбросаны по асфальту. Она сразу поняла, в чем дело.

– Мухтар! – закричала Шекер и услышала шуршание гравия. Это, высунув язык, бежал Мухтар. – Ты зачем это делаешь, глупый пес? – спросила она строго и слегка шлепнула его рукой по шее. – Если будешь закапывать кости в саду, я посажу тебя на цепь! Иди на место! – Мухтар послушно побежал в свой вольер.

Вдоль высоких трехметровых ворот с облупленной голубой краской росла малина. Летом ее было много, и многочисленные внуки Натана и Ханны совершали ежедневные набеги на кусты. Но даже после этого ягод хватало на варенье. Чуть поодаль от малины, обвивая металлическую сетку, вился виноград. Его выращивали не столько ради плодов, их было не очень много, сколько ради листьев для долмы. Во втором и третьем рядах была посажена черная смородина, несколько грушевых и яблоневых деревьев, помидоры, огурцы, морковь и зелень.

Обогнув дом и обойдя весь сад, Шекер почувствовала неладное. В последнее время найти Цыгана становилось все сложнее, он перестал отзываться на свое имя. Шекер считала, что не стоит выпускать его на ночь. Пес, хоть и выходил из вольера, после нескольких ленивых шагов искал убежища где-нибудь в тихом углу двора, под деревом или вдоль забора в кустах винограда. Но Натан не хотел менять привычного распорядка, и она не могла послушаться. Шекер подошла к вольеру Цыгана: миска с едой стояла нетронутой. Заглянув в будку, она побледнела.

– Цыган... – имя пса повисло в пустоте.

Когда Шекер вернулась из сада, дом уже проснулся. Она прошла мимо машин к вольеру Мухтара и закрыла его на щеколду. По ее щекам текли слезы.

Ханна стояла на крыльце в цветастом байковом халате и повязывала платок.

– Кто умер? – спросила она, увидев слезы.

В их семье слезы были большой редкостью и неизменно пресекались строгим «хватит реветь, никто не умер!»

– Мама... Мне кажется, Цыган умер... Он лежит в будке и не шевелится...

Шекер говорила бессвязно, слезы душили ее.

– Тихо, тихо. Вессе!¹ – Мать строго посмотрела. – Иди умойся и вытри слезы. У отца праздник, он не должен расстраиваться. Завтра скажем ему, сегодня не говори.

Из летней кухни вышла Эрке. Она пришла помогать самой первой, так как жила по соседству. Ханна подозвала Эрке, отвела ее в сторонку и стала ей что-то говорить. Та ахнула, а затем понимающе закивала головой («да, мама, конечно, мама»), велела своей дочери Мине помогать бабушке и куда-то ушла.

¹ Хватит! (Здесь и далее – перевод с горско-еврейского.)

2

На кухне кипела работа. За большим дубовым столом, покрытым красно-белой в горошек клеенкой, чистила картошку Митрофановна. Вообще-то ее звали Елена Митрофановна, но все обращались к ней просто по отчеству. В семье Савиевых она жила тридцать лет. Пришла нянчить третьего сына Ханна и Натана и осталась навсегда. Теперь это была ее семья. «Ты мой самый старший духтер²!» – шутя говорила ей Ханна. «Ханночка, я не могу быть твоей дочерью, я же старше тебя!» – на полном серьезе отвечала Митрофановна. Все смеялись, Митрофановна не обижалась. Со временем она выучила язык и историю горских евреев и охотно делилась с детьми своими знаниями.

Митрофановна чистила картошку, Шекер и Мина нарезали ее брусьями.

– Митрофановна, а почему мы – горские евреи? – спросила Мина. – Разве есть еще лесные или пустынные евреи?

– Очень давно, – начала свой рассказ Митрофановна, – евреи были вынуждены бежать из Израиля. Некоторые из них пошли на Запад, и их языком стал идиш, а некоторые – на Восток, в Иран. Те, что пошли на Восток, стали говорить на персидском языке, на котором говорят твои бабушка и дедушка.

– А бабушка и дедушка тоже пришли из Ирана?

– Нет, они родились в Дагестане. А из Ирана пришли их далекие предки. Тысяча пятьсот лет назад иранские евреи попали в рабство и были пригнаны на Восточный Кавказ. Там они должны были строить крепость. С ними обращались очень плохо, поэтому многие бежали и прятались высоко в горах. Там у них постепенно наладилась жизнь, но горские евреи всегда держались отдельно от других народов. – Митрофановна разделила нарезанную Миной картошку на две части, маленькую и большую. – Вот это, – показала она на маленькую горку, – горские евреи. А вот эта большая гора – другие народы. Горские евреи должны были очень сильно постараться, чтобы не смешаться с остальными, строго соблюдать обычаи. Лишь при советской власти евреи начали спускаться на равнину. Но их по-прежнему называют горскими евреями.

Митрофановна так увлеклась рассказом, что не заметила, как подошла Ханна и сгребла всю картошку в миску.

– Еще десять картошек почисть, дети тоже будут завтракать, – попросила Ханна. Всем было понятно, что, говоря «дети», женщина имела в виду только сыновей, потому что дочерям не готовили завтрак. Дочери тоже придут, но сидеть за столом с мужчинами не будут, им полагалось вместе с другими женщинами работать на кухне.

– Кто будет завтракать? – пытаюсь выглядеть равнодушной, спросила Шекер. Ханна перебирала сковороды в поисках самой большой и сделала вид, что из-за грохота не услышала Шекер. Она прекрасно понимала, чей приход интересовал ее больше всего, и едва заметно переглянулась с Митрофановной.

– Мама, кто придет? – переспросила Шекер.

– Тевриз будет, духтер Туре, чуду делать. А, вот и она! Пришла? Чу хабири? ³

В кухню зашла толстая Туре, которая всю жизнь работала кухаркой на горско-еврейских праздниках. Ее мастерство в выпечке чуду и приготовлении блюд дагестанской кухни славилось по всему Пятигорску. Но она старела и больше не могла работать так много, как прежде, поэтому все чаще ходила со своей дочерью Тевриз, которой передавала все рецепты и кулинарные навыки.

² Девочка, дочь.

³ Как дела? Как поживаешь?

– Как дела? – переспросила Ханна.

– Какие могут быть дела в моем возрасте? Старые мы с тобой стали, Ханна, здоровья ни на что не хватает.

– Не говори так, мама! Вы еще сто лет проживете, правнуков и их детей нянчить будете!

– Да какие сто лет! Это Ханна сто лет проживет, а я старая уже совсем. У нее, – Туре показала на Ханну, – кожа вон какая гладкая, а она семерых не родила?!

– Девятерых! – поправила Ханна, показывая две руки с загнутым большим пальцем. Девять детей у меня родилось – двое умерли маленькими – такими. – Ханна протянула руки вниз и вытянула ладонь, чтобы показать, какими маленькими были ее дети, когда их не стало.

– Эри-эри⁴, – поспешила согласиться Туре, – девять детей было, а кожа какая!

Ханна удивленно потрогала лицо.

– Косметика есть же. Ни грамм не был на мой лицо! Утром встану, водой помою – и все. Не пользуюсь я ничем, как молодые: все моют чем-то, мажут химией. Зачем это все? Только кожу портит.

– Я тоже касметик-масметик не пользую, – сказала Туре. – Но кожа, видишь, какая у меня – вся в морщинах. Это не в кремах дело, это все генетик, он у тебя хороший!

– Да, отец у меня был хороший, не пил, не курил, отец меня любил очень, – подтверждая слова Туре, ответила Ханна. – Потом ушел к Мане, потому что мать моя сына ему родить не могла. Надо было дома сидеть, а она ходила туда-сюда, на базаре торговала за копейки, зелень продавала, сына потеряла одного, брата моего старшего. Потом я родилась. Зачем, говорит, девочек мне рожаешь? – Ханна засмеялась. – Борух, отец мой, наследника хотел, через три месяца она опять забеременела – мальчиком, я точно знаю, люди говорили, живот у нее был овальный, а не круглый, как на девочек. Опять по базарам на мороз ходила, зря ходила, застудилась и выкинула. Больше не могла беременеть. Год, два детей нет, и все. Тогда мать сама сказала Боруху: возьми, говорит, молодую жену, пусть сыновей тебе родит. Он и взял Маню, она ему пятерых сыновей не родила?! А у матери я одна была. Но отец меня любил очень, подарки дарил. Когда я его от тюрьмы перед самой смертью спасла, он мне сказал, я никогда этого не забуду: «Ханна, – говорит, а сам еле дышит, – у меня пятеро сыновей, но все они не стоят одного твоего ногтя». Вот так мне отец сказал. – Женщина взяла в руку последнюю луковицу и стала ее нарезать. Смочив фартуком глаза и высморкавшись, она продолжила: – А когда Шекер, дедейме⁵, умерла, я сначала горевала, а на следующий день у Довида, старшего моего, девочка родилась. Я ее как увидела, сразу сказала: «Вот мать моя!» А Довиду говорю: эту девочку я тебе не отдам, себе на воспитание возьму, она будет носить имя матери моей. А ты себе еще десять детей родишь.

– А Зина что, так и согласилась?

– А-а-а, – Ханна махнула рукой. – Зинка сначала не хотела, первенец мой, говорит, а потом Довид сказал ей: слово матери – закон, как мать скажет, так и будет. Ну она и замолчала и девочку отдала. А чем плохо? Я что, плохо ее воспитала? Не курит, не пьет, не гуляет! Хорошо воспитала и, дай бог, замуж выдам за приличного парня, не бедняка.

– Да, да, правильно сделала, что забрала и воспитываешь. Что правда, то правда: молодежь сейчас неправильно воспитывают! – Туре вздохнула и продолжила: – Ты слышала, что об Анжеле, дочери Натена, говорят? Не слышала? Вай, там что творится?! – обрадовавшись шансу первой рассказать новость, которая уже обошла весь город, но почему-то не дошла до ушей Ханнны, Туре причмокнула языком и начала:

– Есть же гулящие девки на свете, вот она такая. Нашку неделю назад на машине с базара ехал, видит – она идет. Как ты думаешь, волосы рыжими не сделала-а-а?! Мини-юбка, сиськи

⁴ Да, да.

⁵ Моя мама.

из кофты вываливаются, идет в обнимку с русским парнем. Он что, думаешь, жениться на ней собирается? Да никогда Натен дочь за русского не даст! Значит, не девочка она уже давно, раз с русским парнем в обнимку ходит! Гулящая она стала совсем! Не то что твоя Шекер.

От чувства благодарности к Шекер – за то, что бережет честь, не гуляет, а скромно ждет своего часа, как и полагается порядочным девочкам, Туре вскочила со стула, вытерла измазанные в тесте руки о фартук и стала трепать Шекер за обе щеки. – Хорошая девочка она, не худышка, в собственном соку девочка. Мы ей хорошего жениха найдем, вот увидишь! Самого лучшего! Вон она какая чистая у тебя!

3

Приход помощниц наполнил кухню разговорами и ароматом домашней выпечки. Если до этого все было обыденно – женщины готовили завтрак мужчинам, то теперь стало понятно, что в доме будет торжество. Большая часть заготовок была сделана накануне: приходил молодой раввин, который, читая молитву, зарезал десять кур и одного барана, а затем женщины ошпидовали птицу, освежевали барана и замариновали мясо. Из кур должны были получиться пышные чуду-керги и наваристый бульон для хинкала, а из баранины – долма и ароматный плов. Меню застолий не менялось из года в год и зависело только от сезона. Летом подавали больше свежих овощей, которые зимой заменялись консервированными. А сегодня гостям готовили, кроме обычных блюд, летние деликатесы – тара⁶ и чебурки с листьями крапивы.

Вдали послышался лай Мухтара – это Залмон, третий сын Натана и Ханны, пришел с базара и принес продукты к завтраку. Ханна принялась вынимать из корзины покупки: белоснежную мягкую брынзу, телесного цвета сливки, золотое домашнее масло, зернистый творог, копченую индюшку и бастурму, лаваш, овощи. Ханна раскладывала еду по тарелкам, а Мина относилась их на стол.

– О, теплый хлеб! – дядя Сави отломил кусочек от лаваша и прищелкнул языком.

– А на ходу есть нельзя, – сказала Мина.

– Иди-иди, носи остальное, – ответил дядя Сави, – смотри, ножи-вилки не забудь.

Пока Мина ходила туда-сюда с тарелками продуктов и раскладывала все на столе, Шекер с Митрофановной справились с картошкой, и Ханна, отрезав полпачки сливочного масла в сковороду, отрегулировала под ней огонь. Когда картошка подрумянилась, в нее были вбиты десять крупных свежих яиц. Осталось отнести чай на мужской стол. Мина подала нарезанный тонкими ломтиками лимон, Ханна – большую сковороду с яичницей и с картошкой, а Митрофановна с Шекер – чай.

Пока женщины готовили еду, отец семейства играл в нарды со вторым сыном, круглым и усатым Борисом, а другие мужчины, кто стоя, кто сидя, наблюдали за партией. Завидев приближающихся с чаем женщин, мужчины – отец, трое сыновей и зять – отложили нарды и раселись по своим местам. Не хватало только старшего сына Довида.

На кухне уже собралось много народу. Две другие дочери Ханны, Рая и Зоя, резали мясо и крутили фарш, а невестки (обеих звали Галями и для удобства их пронумеровали: жену Бориса называли Галей номер один, или «Галей большой» за ее высокий рост, а жену Залмона – Галей номер два, или «Галей маленькой») делали курзе⁷. Взяв еще один стакан чая, Шекер вернулась к мужскому столу. Мужчины всю работу делали вилками.

– А сахара не бывает? – жуя кусок индейки, спросил Борис.

– Папа, а Довид когда придет? – спросил кто-то еще.

⁶ Кавказское блюдо из зелени тара – конского щавеля – и бараньего фарша. Иногда зелень тары заменяется молодыми свекольными листьями.

⁷ Дагестанские пельмени.

– Сейчас принесу сахар, – ответила Шекер, пытаясь задержаться, чтобы услышать ответ отца на мучивший ее вопрос.

Довид был первенцем Натана и Ханны, самым успешным и талантливым из сыновей, но и самым строптивым. Он требовал особого отношения со стороны родителей, не желая мириться с тем, что они могут отдать предпочтение в каком бы то ни было вопросе другому сыну. Год назад он ушел, демонстративно хлопнув дверью, потому что не согласился с решением матери. Имя «Ханна» должно было перейти в семью одного из сыновей, Довида или Бориса, по решению матери. Мать делала намеки то Довиду, то Борису о том, что отдаст имя именно ему, но долго не определялась в предпочтениях. Каждый был уверен в том, что именно он сможет назвать внучку именем матери – Ханна.

На прошлый Новый год братья подвыпили. Тогда Довид, позвав Шекер к себе и приобретя, сказал:

– Когда замуж выйдешь, смотри, первой девочку чтобы родила, поняла? Первой у тебя должна быть Ханна!

Борис отреагировал незамедлительно.

– А почему ты решил, что имя матери будет у тебя? – спросил он. – У Аркаши родится дочь, мы ее и назовем Ханна. Все должно быть по справедливости. Тебе дали имя бабушки, а мне полагается Ханна! Так, мама? – Борис посмотрел на мать в надежде на поддержку.

– Почему это Аркаша?! Он же еще маленький, под стол ходит. А Шекер уже вон, девушка, скоро замуж будем отдавать!

Ханна пыталась урезонить братьев, но пожар было не потушить. Спор разыгрался нешуточный. Начав со словесной перепалки, они, мигом растеряв братские чувства и позабыв все слова о дружбе, внушаемые родителями с ранних лет, затеяли драку. Разнимали всей семьей. Каждый боролся за имя матери для еще не родившегося дитя, как будто речь шла о жизни и смерти. Это было больше, чем имя. Тот, кто получал право назвать ребенка именем родителя, пользовался особым расположением. Своей тактикой двойной дипломатии мать обнадежила обоих братьев, но в тот день вопрос принял неприятный и неожиданный оборот. И Ханна решила поставить точку в этом вопросе. Злясь на Довида за затеянный спор, она сказала:

– Довид, хватит! У тебя уже есть Шекер, Ханна будет у Бори!

Эти слова прозвучали для Довида приговором, и он ушел, шарахнув дверью так, что посыпалась побелка. Шекер осталась стоять в растерянности. Она почувствовала такое щемящее одиночество, как никогда прежде. Довид ушел, даже не взглянув на нее. Это она во всем виновата! Зачем она подошла, зачем мелькала перед глазами? Сидела бы на кухне с другими детьми, ничего бы не произошло. Шекер хотелось бежать, бежать без остановки. Плакать было нельзя, и она застыла со стеклянными глазами.

– Ты чего с такой кислой миной стоишь? – заметив ее, сказал отец. – Иди, догоняй, убирайся с глаз моих, чтобы я тебя больше не видел! Весь праздник испортила.

Тетя Эрке тогда отвела ее подальше с глаз Натана, прижала к себе и сказала три слова: «Все будет хорошо», – а потом добавила: «Они обязательно помирятся». Но Шекер это не успокоило, она-то знала, что ссора может длиться годами.

И действительно, примирение наступило не скоро. Целый год она не видела Довида. О нем в семье не упоминали, как будто его никогда и не было. Все неожиданно изменилось две недели назад. Шекер уже засыпала, когда ее разбудили мужские голоса, доносившиеся откуда-то с улицы. Отодвинув занавеску, она увидела, что в саду стоят Натан с Довидом и спорят.

Она не слышала их разговора, но по жестам поняла, что Довид о чем-то просил отца, пытался обнять, а тот отталкивал его и показывал на калитку. Внезапно Довид тяжелым камнем упал перед отцом на колени. Отец сказал что-то, похлопал Довида по плечу и жестом велел ему встать. Довид послушно встал. Мужчины прошли к выходу из сада мимо ее окон. Она задернула занавеску и уткнулась лицом в подушку. Ее потряс образ стоящего перед отцом, как

перед Господом Богом, Довида. Картинка не выходила из головы, в ту ночь она так и не смогла уснуть. Наутро, едва заслышав шум, она вышла из своей комнаты, надеясь, что мать прояснит ситуацию. По лицу Ханны было видно, что и она практически не сомкнула глаз.

- Мама, у тебя усталый вид, – начала Шекер издалека.
- Да, не спала совсем. Дети мои разве дадут мне спать?
- Что-то случилось?
- Заходил вчера Довид, с отцом говорил. На день рождения его хочет прийти.
- Придет? – не сдерживая любопытства спросила Шекер.
- Все будет, как бог того пожелает.

4

Шекер знала – он придет. Эта новость стала для нее подарком. Она была уверена, что Довид решил помириться ради нее, своей старшей дочери. Наверняка и он по ней скучал. А может быть, это Зина попросила его пойти к отцу? Они ее любят, любят! И может быть, даже больше остальных своих детей! Ну а как может быть иначе – она же их первенец, их старшая дочь. Они не могут ее не любить. Как она, глупая, могла сомневаться? Они любят ее. Она шепотом, как заклинание, произнесла «папа», «мама», представляя себе лица Довида и Зины. Именно тогда у Шекер появилась решимость сказать им о своем отчаянии и страхе, о том, что жить без родителей для нее невыносимо и что она хочет вернуться к ним, пусть и спустя пятнадцать лет, и называть их мамой и папой, а не по имени, как брата и сестру. Она хочет ходить с родителями в парк, есть сладкую вату, и капризничать, и проситься на руки, и говорить, часами говорить с мамой. Сколько таких внутренних бесед она провела и как она была бы счастлива, если все это можно было бы рассказать наяву, а не в мечтах. Скоро она снова их увидит. И поговорит. И наговорится вдоволь!

– Папа, так придет Довид или нет? – вопрос был задан еще раз.

– Может, придет, может, нет. Кто его поймет? Скорее всего, придет вечером, как чужой, в гости. Совсем мать с отцом перестал уважать, мать с отцом ему все сделали, воспитали его, а он не делает того, о чем мы просим. Думает, раз деньги есть, можно все. Самовольно жить решил, только свою жену и слушает, как последний подкаблучник. Братьям не помогает, отцу почета не делает, все какая-то политика. Зачем ему сдалась эта политика? Сидел бы себе спокойно, деньги делал. А то одна Дума на уме, в депутаты захотел! Только внимание к себе лишнее привлекать! Жили спокойно, а теперь журналисты дом караулят, жить спокойно не дают.

То, что сын стал крупным предпринимателем, радовало отца. Но его общественная деятельность, его политические амбиции не могли не пугать Натана, прошедшего через жернова советской системы и пережившего аресты и обыски. Именно обыски научили его прятать достаток от завистливых глаз соседей и знакомых. В землях сада скрывались несметные богатства – десятилитровые баллоны, полные бриллиантов, золота, облигаций и купюр. Один из таких баллонов, закопанных два года назад, так и не удалось откопать. Перерыли весь сад, но он пропал, в прямом смысле слова провалился сквозь землю. Поскольку Натан закапывал клад вместе с Шекер, подозрения пали на нее. Натан считал, что это она втихаря откопала баллон и передала золото и бриллианты Довиду, и, рассказывая о пропавших драгоценностях, смотрел на девочку искоса, приговаривая: «Я знаю вора в лицо, пусть у вора руки отсохнут!» Шекер чувствовала недоверие и даже ненависть, хотя напрямую Натан своих претензий к ней не высказывал.

– А вы знаете, что Довид участок купил для еврейского кладбища, сейчас огораживают? – спросил Гарик, муж младшей дочери Эрке.

– Слышали, конечно! – отец презрительно ухмыльнулся. – Купил кладбище, чтобы нас с матерью было где хоронить!

– Папа! – наигранно строго сказал Борис. – Ну что ты о кладбище говоришь! У тебя сегодня день рождения, или что?

Не дождавшись ответа отца, Борис ответил сам:

– День рождения! Так что же мы здесь чаевичаем, лягушек разводим? Где водка? Шекер!

Шекер прибежала к столу с сахарницей, но Борис попросил ее принести водку и рюмки. Когда водка была разлита по рюмкам, Борис громко позвал мать. Торопясь и чертыхаясь, она подошла к мужскому столу. Тогда Борис встал и начал торжественную речь:

– Папа, пока нет гостей и мы здесь все свои... В общем, тебе еще скажут очень много слов, и поэтому я, если позволишь, произнесу первый тост в твой день рождения о маме...

Мужчины дружно закивали, а Ханна, смеясь, покачала головой в знак неодобрения. Но ее и не думали слушать.

– Папа! Ты у нас главный в семье. Но есть кое-кто еще главнее. – Борис сделал паузу, и все замерли в немом любопытстве. – Этот человек – мама! Ты хоть и голова, но без шеи голова не может существовать. Так вот, шея нашей семьи – это мама! Нас еще в школе учили, что главное на свете – это мать, сразу после бога идет мать. – Борис многозначительно посмотрел на Ханну. – Если рай есть, дедейме, то он находится под твоими ногами. Ты для нас – все, для нас и для отца. Так, папа?

– Так, так, – закивал Натан.

– Да, да, – согласились остальные.

– Так вот, мама, я хочу выпить свою первую рюмку за тебя, за то, чтобы ты была всегда рядом с нашим папой и радовалась своим внукам, правнукам, праправнукам и прапраправнукам!

– Ура, товарищи! – крикнул Натан.

– Ура-а-а! – заголосили остальные, стали чокаются и обниматься.

– Позовите Мину, – крикнул отец и, велев жестом одному из сыновей принести стул, пригласил жену сесть рядом с ним.

Когда пришла Мина, Натан попросил ее рассказать любимое бабушкино стихотворение – «Мать» Расула Гамзатова. Мина встала возле дедушки и бабушки, откашлялась и торжественно начала:

По-русски «мама», по-грузински «нана»,
А по-аварски – ласково «баба».
Из тысяч слов земли и океана
У этого – особая судьба.

Став первым словом в год наш колыбельный,
Оно порой входило в дымный круг
И на устах солдата в час смертельный
Последним зовом становилось вдруг.

На это слово не ложатся тени,
И в тишине, наверно, потому
Слова другие, преклонив колени,
Желают исповедаться ему.

Родник, услугу оказав кувшину,
Лепечет это слово оттого,
Что вспоминает горную вершину –

Она прослыла матерью его.

И молния прорежет тучу снова,
И я услышу, за дождем следя,
Как, впитываясь в землю, это слово
Вызванивают капельки дождя.

Тайком вздохну, о чем-нибудь горя,
И, скрыв слезу при ясном свете дня:
«Не беспокойся, – маме говорю я, –
Все хорошо, родная, у меня».

Тревожится за сына постоянно,
Святой любви великая раба.
По-русски «мама», по-грузински «нана»
И по-аварски – ласково «баба».

Девочка сделала театральную паузу, все захопало, а Натан потребовал налить еще по рюмке водки каждому. Обняв Мину за плечо, он спросил:

– Ты кто по национальности?

– Русская, – ответила девочка.

Все засмеялись.

– Ты кем будешь, когда вырастешь?

– Президентом Ельциным!

Сидящие за столом стали смеяться, шептаться, а кто-то даже захопал.

– Умная она очень, дочка моя младшая, не то что нынешние лоботрясы. Вырастет, в МГИМО устроим ее.

Мина, смеясь беззубым ртом, закивала и преданно, как собачка, посмотрела на папу-дедушку.

– Нос-нос-нос, – стал манить дедушка, это значило, что он будет касаться рюмкой ее носа перед тем, как выпить. – Ну все, все, иди к матери.

Мина послушно ушла на кухню. За мужским столом не осталось и следа от былой грусти. Все смеялись, шутили, хлопали друг друга по плечу. Тем временем вернулась Эрке с большой клеткой в руке – в ней сидел щенок немецкой овчарки. Она осторожно вынула его из клетки, поднесла к отцу и сказала, что этот щенок – сын Мухтара, внук Цыгана, и это подарок отцу на день рождения, и что теперь он может не бояться, если Цыгана вдруг не станет, у него есть еще один. Новый Цыган был единогласно признан таким же красивым, как и его дедушка.

После завтрака отец зашел в дом отдохнуть и переодеться, а сыновья взялись за мужскую работу – мыли из шланга двор, расставляли столы и лавки рядами, относили тазы и сумки с продуктами женщинам на кухню. Во дворе поставили магнитофон с громкой дагестанской музыкой, и женщины время от времени прерывали готовку и танцевали лезгинку, приглашая мужчин составить им пару в танце. В доме воцарилась атмосфера веселья.

5

Довид пришел около трех. О его приходе Шекер было известно еще до того, как она его увидела. Женщины зашущукались, и Ханна стрелой вылетела из кухни. Поцеловав сына, она пошла звать мужа. Довид зашел на кухню с двумя солидными мужчинами в дорогих костюмах и, бросив «всем привет», стал рассказывать гостям, кто есть кто: вот мои сестры, жены моих

братьев, повар... О Шекер ни слова, как будто она – тоже кто-то из перечисленных, сестра, невестка, повариха... Шекер смотрела на Довида и не могла отвести глаз. Но он даже не взглянул на нее. Впрочем, его взгляд не задерживался ни на ком дольше секунды, а будто охватывал всех целиком. Возможно, он просто не успел рассмотреть каждого по отдельности, потому что его сразу позвал отец. Натан уже успел одеться и побриться к празднику, и от него пахло одеколоном. Довид представил отцу своих спутников – это были известные политики из Москвы. Гостям накрыли чайный стол: урбеч⁸, пахлаву, айвовое варенье, сухофрукты и вазу с импортными конфетами.

– Ну что, как там Москва поживает? – спросил отец гостей. Повисла пауза и, не дождав-шись ответа, Натан продолжил: – Как там Ельцин? Скажу вам честно, я его не одобряю. Раньше одобрял, а теперь – нет. Мы ничего хорошего за два года его пьяного правления не увидели. Непонятно, что творится, раньше был один хозяин, а теперь их десятки и сотни. Вот я, к примеру. При советской власти я был директором универмага, директором с большой буквы, начальником! Никто мне не указывал, что делать и как. Меня могли посадить, но это другой вопрос. А теперь – можно все, но ничего нельзя. Универмаг купили какие-то бандиты и делают там что хотят. И я у них бобик на побегушках! Товара полно, а толку – ноль. Денег все равно ни у кого нет.

– Папа, ну что же ты молчал?! – с пафосом спросил Довид. – Если бы я знал, что у тебя проблемы, я бы уже давно купил этот универмаг с потрохами. Завтра же займусь...

От этого обещания Натан повеселел. Он уже давно хотел попросить Довида уладить его вопросы на работе – договориться с новыми хозяевами магазина, но нельзя же просить о чем-то сына, с которым находишься в ссоре.

– Да, сейчас сложные времена, – согласился сидевший справа коренастый мужчина в белом льняном костюме. – Реформы всегда сложно даются...

– Реформы! Да на что нам эти реформы сдались? Демократия, бог знает что. Во что мы превратились? Раньше Карпова с Каспаровым хоть по телевизору показывали, а теперь – одних голых девок. Я за Ельцина болел, думал, он сделает лучше, а стало только хуже. Сейчас вообще непонятно, что творится. России нужна твердая рука, Сталин бы такого не потерпел!

Мужчины переглянулись, а Довид, поняв, что отец подвыпил, предложил сменить тему и сыграть в нарды. Все закивали. Играть с Натаном вызвался самый старший из гостей – седо-власый Владимир Николаевич. Оставив отца, Довид направился на кухню. Он хотел узнать у матери, сколько человек будет на празднике и придут ли музыканты, но первой на глаза ему попала Шекер. «Как же она стала похожа на мать!» – подумал Довид, поздоровался с доче-рью и обнял ее.

– Как ты, родная? – спросил он.

– Хорошо, – ответила Шекер, опустив голову, – а ты... а вы?

– Неплохо...

Шекер дрожала, и у нее колотилось сердце. Она так долго ждала этой встречи, и вот отец стоит перед ней и она не знает, что сказать. После небольшой паузы Шекер спросила:

– А вы одни? Киры не будет?

Шекер очень хотела узнать, будет ли Зина, ее мать, но не знала, как назвать ее правильно – Зина или мама, – поэтому решила узнать, будет ли на празднике ее родная сестра Кира, вторая дочь Довида и Зины. «Если будет Кира, будет и мама», – подумала она.

– Кира... да... – начал Довид, – они, не знаю...

Тут их разговор был прерван. Подошла Ханна и, тяжело взглянув на Шекер, увела Довида.

⁸ Паста из измельченных семян конопли.

– Ну что, не придет Зинка помогать, нет? – спросила Галя номер один, не расслышавшая, придет ли жена Довида.

– Придет, наверное, как и все гости, часам к пяти, – ответила ей Галя номер два.

– Вот белоручка! Мы с утра вкалываем, а она придет, вся расфуфыренная, – пить, есть, танцевать. Никакой совести нет! – стала возмущаться Галя номер один.

– Я за нее здесь работаю, разве этого недостаточно? – ответила невесткам Шекер и, поняв, что тон ее высказывания оказался неожиданно грубым, поспешила исправить положение, добавив: – Нас же и так здесь много, больше людей на кухне не поместится.

Но было поздно. Невестки переглянулись и сжали губы. А когда пришла Ханна, пожаловались ей на грубость Шекер: слишком много себе позволяет, если так пойдет и дальше, ничего хорошего из нее не вырастет!

6

Ханна ревностно следила за поведением Шекер, внушала ей страх перед взрослыми и считала, что лишь повиновение сделает из нее человека. Нагрубить старшему было преступлением, на грубость и злость было наложено строжайшее табу. Грубость означала своеволие, а это может привести к тому, что Шекер в любой момент возьмет и уйдет из дома – от нее всего можно ожидать. А сегодня Шекер не просто нагрубила, а сделала это для того, чтобы защитить Зину. Это намного хуже. Страх Ханны, что Шекер, не будучи ее родной дочерью, не сможет сдержаться и сбежит к Довиду и Зине, возрастал с каждым днем. Чем старше становилась девочка, тем отчетливее понимала Ханна – что-то не так. Ее опасения подтвердила Митрофановна, брякнувшая, что девочку нельзя держать на цепи, как собаку, она рано или поздно уйдет. Митрофановна считала, что это нормально: любовь к родителям неподвластна логике. И хоть Шекер никогда о них не говорит, она, Митрофановна, знает точно, что она их любит и очень по ним тоскует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.